

за афинских граждан (Aeschin. III. 71). Одна из них, жена состоятельного владельца оружейной мастерской, стала матерью знаменитого оратора Демосфена⁴³.

Итак, литературные, эпиграфические и археологические источники смогли немало рассказать о боспорянах и ольвиополитах в Афинах. Здесь они имели друзей и знакомых, с некоторыми их связывали узы гостеприимства и родства. Приезжие из Северного Причерноморья постоянно бывали в торговой гавани Афин Пирее, посещали лавки на агоре и в ремесленных кварталах города, присутствовали в театре, были участниками и зрителями на праздниках Великих Панафиней и Дионисий, заключали денежные сделки у трапезитов, учились в школах философов и риториков, выступали в суде. Боспоряне и ольвиополиты появлялись в Афинах как в качестве официальных лиц – боспорские цари и различные посольства, так и частных – купцы, навклеры, матросы, а также молодые люди, желавшие получить хорошее образование. Некоторые приезжие с северных берегов Понта надолго задерживались в Афинах и жили там с семьями.

М.В. Скржинская

OLBIOPOLITAI AND BOSPORANIANS IN ATHENS

M.V. Skrzhinskaya

The author of this article collects and analyzes written and epigraphical sources – as well as several relics of material culture – giving evidence that Olbiopolitai and Bosporanians regularly visited Athens from the fifth to the third centuries BC. These visitors arrived in Athens both as officials and private persons – the former as members of embassies, the latter for the most part to trade or acquire better education. Inhabitants of the Northern Black Sea area regularly came to the trading port of Piraeus, visited the shops of the Athenian Agora and the trading districts of the city, and attended the theatre, taking part as spectators and participants in the festivals of the Great *Panathenciai* and *Dionyseiai*. They also concluded monetary deals with the trapezites, studied in schools of philosophy and rhetoric, and appeared in court as plaintiffs, defendants, and witnesses. Olbiopolitai and Bosporanians had many friends and acquaintances in Athens, to whom they were connected by ties of blood and simple hospitality.

© 2002 г.

РОЛЬ ЦЕНТУРИАТНЫХ КОМИЦИЙ В РАЗВИТИИ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РИМА РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Учреждение в Риме в эпоху Ранней республики центуриатных комиций было тесно связано с формированием цензовой военной организации, а эволюция последней в свою очередь оказала огромное влияние на развитие политической структуры раннеримской цивитас в целом¹. Поэтому определение военной роли центуриатных комиций и их места в политической системе Ранней республики поможет лучше понять характер римской армии, механизм ее взаимосвязи с гражданской общиной, а следовательно, уточнить степень демократичности цивитас и особенности эволюции политических институтов.

⁴³ *Скржинская М.В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 147–150.

¹ См. *D'Agostino B.* Military Organization and Social Structure in Archaic Etruria // *The Greek City: From Homer to Alexander.* Oxf., 1990. P. 80. Однако существует и противоположная точка зрения. См., например: *Fascione L.* *Bellum indicere e tribù // Legge e società nella repubblica romana.* Napoli, 1981. V. I. P. 225–254; *Mitchell R.E.* Patricians and Plebeians: The Origins of the Roman State. Ithaca–London, 1990. P. 175 ff.

В науке прочно утвердилось мнение о том, что основой центуриатных комиций было созданное по реформе Сервия Туллия в середине VI в. до н.э. цензовое центуриатное войско². В отечественной историографии, не отличавшейся чрезмерным вниманием к складыванию политической структуры Рима, также доминирует точка зрения о том, что народное собрание Рима напоминало скорее сходку воинов, чем регулярное собрание греческого демократического типа³. Наиболее полно эту точку зрения выразила А.В. Игнатенко: «... в представлении римлянина эпохи военной демократии войско и комиции – сходки граждан-воинов – столь привычно слились, что новая войсковая организация, едва родившись, приобрела право на решение важнейших политических вопросов, превратившись в нового вида народные собрания»⁴.

Впрочем, если некоторые авторы рассматривали комиции как непосредственно разделенный на военные отряды *populus*⁵, то ряд других видят в сервианском войске лишь основу, базис, из которого в результате длительного развития сформировались центуриатные комиции как политический институт⁶. Поэтому вначале вкратце уточним принципы и особенности функционирования и организации центуриатных комиций после установления республиканского строя.

Геллий дает определение типа народного собрания по принципу его созыва: «Если голосование проводится по родам людей, то это куриатные комиции, если по цензу и возрасту – это центуриатные, если по регионам и местностям – это трибутные»⁷. Но тот же Геллий и Варрон, подчеркивая обязанность проведения комиций вне городского померия, на Марсовом поле, характеризуют центуриатные комиции и как *exercitus urbanus*, а созыв собрания передают формулой *centuriatus convocare* или *impegrare*⁸. Последний термин явно относится к военным приказаниям и подтверждает известное мнение о подчинении комиций магистрату, обладавшему военным империумом. Как мы знаем, правом созыва комиций источники наделяют того, кто имел

---

² *Altheim F.* Italien und Rom. Bd II. Leipzig–Amsterdam, 1941. S. 170; *Magdelain A.* Remarques sur la société romaine archaïque // REL. 1971. V. 49. P. 103–127; *Staveley E.S.* Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca (N. Y.), 1972. P. 150; *Gjerstad E.* Innenpolitische und militärische Organization in frührömischer Zeit // ANRW. B. – N. Y., 1972. Bd I. T. 1. S. 173; *Fugmann J.* Königszeit und Frühe Republik in der Schrift «De viris illustribus urbis Romae». I. Frankfurt a. Main, 1990. (Studien zur klassischen Philologie. Bd 46). S. 273; *Bojarski W.* Prawo rzymskie. Torun, 1999. S. 24–25; *Schwieger A.* Römische Geschichte. 2. Aufl. Freiburg–Tübingen, 1884. Bd I. S. 754. См. также *Scullard H.H.* A History of the Roman World from 753 to 146 B. C. L., 1976. P. 53.

³ См. *Немировский А.И.* История раннего Рима и Италии: Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962. С. 261.

⁴ *Игнатенко А.В.* Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики: историко-правовое исследование. Свердловск, 1976. С. 63 сл.

⁵ *Inhe W.* Early Rome from the Foundation of the City to first Destruction by the Gauls. L., 1970. P. 85, 128–129; *Gschnitzer F.* Exercitus. Innsbruck, 1968. S. 183 u. folg.; *Kienast D.* Die politische Emanzipation der Plebs und die Entwicklung des Heerwesens im frühen Rom // RhM. 1975. Bd 175. S. 91–93; *Ussani V.S.* Appunti di Storia del diritto romano: le origini, la monarchia, la repubblica. Torino, 1996. P. 76.

⁶ См., например: *Abbot F.F.* A History and Description of Roman Political Institutions. Boston–London, 1901. P. 21–28; *Botzford G.W.* The Roman Assemblies from the Origin to the End of the Republic. N. Y., 1909. P. 203 ff.; *Bleicken J.* Die Verfassung der römische Republik: Grundlagen und Entwicklung. Paderborn, 1975. S. 61; *idem.* Geschichte des römischen Republik: 3. Aufl. München, 1988. S. 122; *Guarino A.* Rifflessioni conclusive // Società e diritto nell'epoca decemvirale. Napoli, 1988. P. 297–299. О значении и эволюции понятия *populus* см. подробнее: *Peppe L.* La nozione di *populus* e le sue valenze // Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik: Akten eines Symposium / Hrsg. W. Eder. Stuttgart, 1990. S. 317, 324.

⁷ *Gell.* XV. 27. 4: Cum ex generibus hominum suffragium feratur, curiata comitia esse, cum ex censu et aetate centuriata, cum ex regionibus et locis tributa...

⁸ *Gell.* XV. 27. 4: ... centuriata autem comitia intra pomerium fieri nefas esse, quia *exercitum* extra urbem *imperari* oporteat, intra urbem *imperari* ius non sit. Propterea centuriata in campo Martio haberi *exercitumque* *imperari* praesidium causa solitum, quoniam *populus* eset in suffragiis ferendis occupatus; *Varro.* LL. VI. 93; ...ad comitia tum vocatur *populus* ideo quod alia de causa hic magistratus non potest *exercitum urbanum convocare*; censor, consul, dictator, interrex potest, quod censor *exercitum centuriato* constituit quinquennalem, cum *lustrare* et in urbem ad vexillum ducere debet; dictator et consul in singulis annos, quod hic *exercitui imperare* potest, quo erat, id quod propter *centuriata comitia imperare* (курсив мой. – В.Т.) solent. Cp. *Liv.* XXXIX. 15. 11.

право командовать войском (Varro. LL. VI. 93–95; Cic. Leg. III. 4. 10), т.е. прежде всего консула и диктатора. Правда, кроме них называют еще интеррекса и цензора (Gell. V. 81: *sensor ad cuius censionem, id est arbitrium, censeretur populus*). Упомянутый Варроном интеррекс обладал правом созыва комиций для выбора магистратов, что и было его прямой обязанностью⁹, и мог обращаться к народу с речью. Это позволяет разделить интересное мнение В.В. Дементьевой о наличии у интеррекссов империя, даже в военной сфере¹⁰. Цензор же, по Варрону, созывал народ раз в пять лет, что было первоначальным сроком его полномочий, который в 434 г. до н.э. был ограничен полутора годами (Liv. IV. 24. 3–6). Заметим, что у Варрона (LL. VI. 93) цензор прежде всего распределяет войско по цензовым классам и центуриям (ср. Cic. Leg. III. 3. 7), которые затем получают свои значки (*vexilla*), хранившиеся в эрарии и выносимые квесторами только при выходе войска в поход или на комиции.

Важной функцией цензоров Варрон называет люстрацию войска, которая проводилась после каждого ценза начиная со времени правления Сервия Туллия (Liv. I. 44. 2; III. 3. 9; Dionys. IV. 22. 2; V. 20; 75. 3–4; 96. 4). Ливий упоминает, что в 435 г. до н.э. цензоры осмотрели и одобрили общественное здание (*Villa publica*) на Марсовом поле, в котором впервые ими был проведен ценз населения (IV. 22. 7), а употребление им слова *populus* подтверждает, что полноправное гражданство, подлежащее цензу (а следовательно, и участники комиций) назывались именно так¹¹. Можно согласиться с мнением Дж. Лобрано, что у римских авторов термин *populus* употреблялся в двух смыслах: как синоним «государства» и как «комиции»¹², добавим – прежде всего центуриатные¹³. Учтем, что закон об ограничении срока цензорства был принят *consensu populi* (Liv. IV. 24. 6), а цензоров, как известно, избирало и принимало *lex centuriata* именно центуриатное собрание¹⁴. Именно единогласие *populus* утвердило военачальником Камилла (Liv. VI. 22. 7). Исходя из этого, можно принять точку зрения, что термин *populus* наравне с *exercitus* обозначал центуриатные комиции¹⁵. Недаром только постановление *populus* становилось законом (*lex*)¹⁶.

Кстати, и место проведения центуриатных комиций на Марсовом поле, вне священного померия, подчеркивает их военный характер¹⁷. Тацит называет их просто *caprus comitia* (Ann. I. 15), а Дионисий Галикарнасский нередко ограничивается указанием на созыв собрания «на поле» (*εἰς τὸν πεδῖον*)¹⁸. Он сообщает, что первых консулов избрали, созвав народ (*δημος*) «на поле, где ранее царей избирали» (V. 12. 3). Объясняется это тем известным обстоятельством, что вооруженное войско не имело права вступать в город и подчинялось присяге¹⁹. С этим связана и традиция, согласно которой фламмин Юпитера не мог наблюдать вне померия *classis procincta*, т.е. *exercitus*

⁹ Liv. III. 8. 2; 55. 1; IV. 7. 10; VI. 5. 6; VII. 22. 1–3; VIII. 23. 17; X. 11. 10; XXII. 35. 2; Dionys. III. 1. 1; IX. 69. 1. См. также *Ussani*. Op. cit. P. 74.

¹⁰ См. Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 88–90.

¹¹ См. подробнее: Маяк И.Л. Римляне Ранней республики. М., 1993. С. 65 сл.

¹² См. *Lobrano G.* Il potere dei tribuni della plebe. Milano, 1982. P. 28 ff.

¹³ Обоснование этого см. в нашей ст.: Токмаков В.Н. Методика изучения эволюции понятия *populus* в раннем Риме (V–IV вв. до н.э.) // Методология и методика изучения античного мира. Докл. конф. М., 1994. С. 48–54.

¹⁴ *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd II, 1. Lpz., 1876. S. 341–345; *Palmer R.A.* The Archaic Community of the Romans. Camb., 1970. P. 223.

¹⁵ См., например: Liv. II. 56.2; IV. 58.8; V. 36. 10; VI. 42. 3; IX. 46. 7; X. 24; 26; 37. 10–12 etc. См. также *Ampolo C.* La città riformata e l'organizzazione centuriata // Storia di Roma. 1988. V. I. P. 225.

¹⁶ См. Маяк. Ук. соч. С. 80. Ср. *Grziwotz H.* Das Verfassungsverständnis der römischen Republik: Ein methodischer Versuch. Frankfurt a. Main, 1985. S. 50–61.

¹⁷ См. *Staveley E.S.* Greek and Roman Voting... P. 150; *Coarelli F.* La Roma del V secolo A.C. // Società e diritto... P. 33 ff.; *Нетушиа И.В.* Очерк римских государственных древностей. Вып. 1. Харьков, 1894. С. 341.

¹⁸ *Dionys.* VI. 30. 2; 43. 1; VII. 59; VIII. 82. 5; IX. 14. 1; 46. 1.

¹⁹ См., например: *Gell.* XV. 27. 4. Ср. *Plaut.* Pers. 754.; *Bacch.* 1071; *Liv.* VI. 20. 10; *Cic.* Pro Rabirio. 11.

armatus (Gell. X. 15. 3; Fest. P. 295L). Так как фламин Юпитера считался жрецом, который своим присутствием должен был гарантировать благополучие Города, то ему запрещалось покидать его даже на день и видеть мертвых или вооруженных людей²⁰, в том числе и сошедшихся на центуриатные комиции.

Рассмотрим вкратце некоторые особенности процедуры проведения комиций в Ранней республике по данным традиции, так как она достаточно исследована в науке. За месяц до комиций над крепостью Капитолия (арх) вывешивали красный флаг²¹, что означало извещение о времени начала собрания²². Но накануне собрания флаг перенесли на Яникул, где он оставался под охраной (praesidium) все время комиций²³. Выбор Яникула объясняется не только удобным расположением холма на правом берегу Тибра как самого высокого после Капитолия и прекрасно видного с Марсова поля, но и той ролью, которую Яникул играл в Риме Ранней республики. Он являлся форпостом Рима со стороны Этрурии (Dionys. V. 22. 1). В случае нападения врагов войско с Марсова поля было готово сразу же занять этот стратегически важный пункт (Dio Cass. XXXVII. 27). Именно это имел в виду Геллий, говоря о praesidii causa (XV. 27. 4).

Перед началом комиций авгурами совершались ауспиции, как перед выходом в поход, и жертвоприношения (Varro. LL. VI. 95; Gell. XII. 15; Dionys. VII. 59; X. 32. 4; 57. 6; Liv. XXXI. 7. 15; Cic. Leg. III. 4. 11). Сакрализация деятельности центуриатного собрания несомненно восходит к глубокой древности, когда собрания войска проходили по куриям. После реформы Сервия Туллия войсковые ауспиции были закономерно перенесены на центуриатное собрание.

Сошедшиеся по зову трубы (classicum – Varro. LL. V. 91), звучавшей со стен²⁴, на Марсово поле граждане группировались вокруг своих центурионов и значков центурий²⁵. Долгое время они являлись туда вооруженными²⁶. Это объяснялось тем, что Город покидали все военнообязанные. Вероятно, в эпоху Республики постепенно утвердился обычай приходить на собрание без оружия²⁷. Обращает на себя внимание замечание Варрона об обращении магистрата перед голосованием: consul eloquitur ad exercitum: impero qua convenit ad comitia centuriata (VI. 88). В нем вновь войско отождествляется с народным собранием.

Характерно, что выражение exercitus urbanus встречается у сравнительно поздних авторов (не считая Варрона), но практически отсутствует у Ливия. Он знает только формы ad populum (для обозначения комиций вообще), contio и suffragium. Причем давно подмечено, что Ливий различает два последних термина. Первым этапом центуриатных комиций служила, как известно, contio («сходка»), где обсуждались законопроекты и кандидатуры²⁸, причем между нею и голосованием мог иметься временный промежуток²⁹.

²⁰ Tac. Ann. III. 58. 7; Plut. Rom. Quaest. 40 C. См. также Кнабе Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима // Культура древнего Рима. Т. II. М., 1985. С. 110.

²¹ Macrob. Sat. I. 16. 15: iusti continui triginta dies, quibus exercitu imperato vexillum russi coloris in arce positum est.

²² Liv. XXXIX. 15. 11: cum vexilli in arce posito comitorum causa exercitus eductus esset.

²³ Gjerstad. Innenpolitische... S. 173; Rosenberg A. Untersuchungen zur römischen Zenturienverfassung. В., 1911. S. 19.

²⁴ Dio Cass. XXXVII. 27; Varro. LL. VI. 92; Macrob. I. 16. 5. См. также Staveley. Greek and Roman Voting... P. 150 ff.; Gjerstad. Innenpolitische... S. 173.

²⁵ См. Dionys. VII. 59: ...ὅπό τε λοχαγοῖς καὶ σημεῖος τεταγμένον ὄσπερ ἐν πολέμου (по центуриям и знаменам, как на войне).

²⁶ Ср. Liv. XXXIX. 15. 11: «... когда знамя, водруженное на вершине крепости, созывало граждан с оружием в руках для проведения за городом центуриатных собраний». Дионисий (IV. 84) также говорит, что граждане для выборов первых консулов явились «при оружии» (ἔχοντες τὰ ὄπλα).

²⁷ См. мнение Н.Н. Трухиной, что привычка являться в собрание без оружия укоренилась лишь к II в. до н.э. (Политика и политики «золотого века» римской Республики. М., 1986. С. 27).

²⁸ Gell. XIII. 16. 3: contionem autem habere est verba facere ad populum sine ulla rogatione. Ср. XV. 27.

²⁹ См., например: Staveley. Greek and Roman Voting... P. 153; Петушиц. Ук. соч. С. 367 сл.

Второй частью собрания являлось непосредственно голосование (*suffragium*), которое обычно авторы и называют комициями. Процедуру голосования весьма подробно описывает Дионисий (VII. 59): «Население было создано на собрание на Марсовом поле около города, выстроившись вокруг центурионов и значков, как на войне. Они не голосовали все одновременно, но каждый в соответствующих центуриях, когда они вызывались консулом» (ср. X. 17. 3; 57. 6; Cic. Leg. III. 17. 38). Само название *suffragium* обычно производится от *frago* («шум, восклицание», хотя, возможно, и стук мечами о щиты), что может отражать первоначальный способ выкликать свое мнение. Давно отмечено, что число центурий всадников и первого класса (классис – гоплитская фаланга) 98 превышало количество центурий во всех остальных разрядах, что обеспечивало зажиточной части общества, прежде всего патрициям, превосходство в политической системе (см. ниже).

Необходимо подчеркнуть еще раз особенность римской избирательной системы, в которой в отличие от греческой существовало только коллективное голосование, а индивидуальные голоса суммировались в едином голосе избирательной единицы³⁰. Тем самым голоса, поданные «против», в каждой центурии нивелировались, хотя вкуче во всех классах они могли набрать большинство. Этот принцип, сложившийся еще в военных куриатных комициях царского времени и в наиболее полном виде воплотившийся в центуриатных комициях, впоследствии был воспринят и трибутными. Но при всей схожести способов голосования отсутствие в трибутных комициях цензовой структуры позволяло более адекватно отражать в каждой трибе социальную стратификацию Рима.

Однако было бы некорректно усматривать в этом всего лишь меньшую демократичность римского полиса³¹ по сравнению с греческим. Скорее коллективный принцип отражал более высокую степень военизированности римской общины. Ее члены представляли не отдельными гражданами-индивидами, а бойцами, спаянными в воинские контингенты, где просто невозможны были разномыслие и расчлененность мнений, которые гасились на уровне первичной военно-политической единицы. Такое положение сохранялось до времени реформы центуриатных комиций в середине III в. до н.э. Не случайно также, что с резким усилением роли трибутного собрания в IV в. до н.э. римское войско синхронно (если не сказать автоматически) перешло на трибутную систему комплектования и соответствующую ей манипулярную тактику³² – и здесь сказалось единство воина и гражданина.

Применительно к Ранней республике мы имеем множество данных традиции об избрании патрициями вкуче со своими клиентами магистратов или о проведении нужных «отцам» решений в центуриатных комициях, невзирая на сопротивление плебеев или даже на их коллективный уход с Марсова поля (Liv. II. 33. 3; 64. 2; Dionys. XI. 43. 1 etc). Так, Ливий под 354 г. передает (VII. 18. 9–10), что по поводу стремления «отцов» избрать двух патрицианских консулов (дело было после законов Лициния–Секстия) народ «несколько раз без толку собирался на Марсовом поле, и потом много дней собрания проходили в раздорах; наконец, победила непоколебимая твердость консулов, а негодование плебса вылилось в том, что он мрачной толпой ушел следом за трибунами, которые кричали ... что пора уже покинуть не только поле, но и самый Рим, плененный и поработанный самовластием патрициев. *Консулы, хоть и покинутые частью народа, с прежней твердостью, несмотря на сильно поредевшее собрание, довели выборы до конца*» (курсив мой, пер. Н.В. Брагинской. – В.Т.)³³. Иными словами, архаический военизированный характер центуриатных комиций,

³⁰ См. Немировский. Ук. соч. С. 261. Подробнее о групповом голосовании по центуриям см. *Staveley. Greek and Roman Voting...* P. 121–128; ср. P. 157.

³¹ Моммзен Т. История Рима. Т. I. М., 1936. С. 242.

³² См. обоснование этого и различные точки зрения в работе: *Токмаков В.Н.* Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н.э.). М., 1998. С. 176; ср. с. 170–175, а также с. 137; *Staveley. Greek and Roman Voting...* P. 126 ff.

³³ Liv. VII. 18. 10: *Consules relicti a parte populi per infrequentiam comitia nihilo segnus perficiunt.*

где к тому же отсутствовало понятие кворума и центурии заполнялись произвольным числом участников³⁴, позволял патрициям даже при их уменьшающемся удельном весе в IV в. до н.э. поддерживать свое доминирующее положение в политической системе³⁵.

Возникает закономерный вопрос, когда же собрание центуриатного войска превратилось в стержень раннереспубликанской *civitas*? Известно, что впервые оно зафиксировано в данной ипостаси в законах XII таблиц под названием *comitatus maximus* (Tab. IX; Cic. Leg. III. 4. 11; ср. Resp. II. 36. 61). М.А. Леви вслед за Э. Габбой рассматривает этот термин как обозначение наиболее многочисленного собрания народа, объединяющего патрициев и плебеев³⁶. Вместе с целым комплексом преобразований середины V в. до н.э. данное обстоятельство дает многим исследователям основание относить к этому периоду либо собственно реформу Сервия Туллия, либо конституирование центуриатных комиций как органа власти всего римского народа³⁷. Общее мнение выразил Ж. Эргон. Он подчеркивал, что центуриатные комиции прошли длительный путь развития, прежде чем превратились в общегражданское собрание³⁸.

С этой точкой зрения можно было бы согласиться, но с существенной оговоркой о том, что присущее римскому менталитету совпадение военной службы с членством в общине³⁹ автоматически вело к конституированию реформированного войска в качестве субъекта управления общиной. Другое дело, что на ранних стадиях правового развития центуриатной организации, когда существовал пожизненно правивший царь, данные политические функции центуриатного войска были латентны, завуалированы и не могли проявиться в достаточной мере. В традиции нет конкретных сведений о том, спрашивал ли царь согласия центуриатного (как и ранее куриатного) войска на объявление войны или назначение военных командиров, или же это входило в компетенцию царя. Правомерно мнение Т. Моммзена, что царь обязан был испрашивать согласия центурий на наступательную войну⁴⁰, в чем проявились первые притязания центурий на участие в собственных делах. В любом случае данная процедура, если она действительно имела место, носила, по всей вероятности, консультационный или даже информативный характер объявления приказа. Пожизненность правления царей лишала центуриатные комиции объекта политического воздействия и контроля, но не отменяла их суверенных прав в качестве олицетворения военной мощи общины.

³⁴ Н.Н. Трухина, например, справедливо считает, что голосующие центурии, как и трибы, заполнялись произвольным числом граждан данного «класса» и данной возрастной категории. См. Трухина. Ук. соч. С. 28.

³⁵ Подтверждает это и известный пассаж Ливия о том, что плебейам удалось в 366 г. до н.э. избрать плебейского консула лишь благодаря закону Лициния-Секстия о таком обязательном избрании, а *patres* получили претуру и курульный эдилитет для представителей своего сословия «благодаря своему влиянию на Марсовом поле» (*gratia campestri*) (VII. 1. 2).

³⁶ См. Levy M.A. *Plebei e patrizi nella Roma arcaica*. Como, 1992. P. 90. Ср. Ferenczy E. *From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State*. Budapest, 1976. P. 18.

³⁷ См., например: Nilsson M.P. *The Introduction of Hoplite Tactics of Rome* // JRS. 1929. 19. P. 2–11; Soltau W. *Entstehung und Zusammensetzung der altrömischen Volksversammlungen*. B., 1880. S. 343–344; Gjerstad. *Innenpolitische...* S. 182; De Martino F. *Storia della costituzione romana*. V. 1. Napoli, 1958. P. 238; Schönbauer E. *Die römische Centurieverfassung in neuen Quellenschau* // Historia. 1953. Bd II. Ht. 1. S. 21. Ср. мнение Ф. Коарелли о 438 г. как *terminus ante quem* в определении времени конституирования центуриатного собрания (Coarelli. *Op. cit.* P. 34). Ср. также Serrao F. // *Società e diritto...* P. 40; Guarino A. // *Ibid.* P. 298 sq.; De Martino F. *Origine della repubblica romana* // ANRW. 1972. Bd I. T. 1. P. 245.

³⁸ Hewgton J. *The Rise of Rome to 264 B.C. L.*, 1973. P. 149 ff.; ср. Saulnier Chr. *L'armée et la guerre dans le monde Etrusco-Romain (VIIIe–IVe s.)*. P., 1980. P. 104; De Francisci P. *Per la storia dei comitia centuriata* // *Studi in onore di V. Arangio-Ruiz*. V. 1. Napoli, 1953. P. 31.

³⁹ См. Momigliano A. *The Rise of the Plebs in the Archaic Age of Rome* // *Social Struggles in Achaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders*. Berkeley–London, 1986. P. 183; Bleicken. *Op. cit.* S. 20.

⁴⁰ Моммзен. Ук. соч. С. 91.

Можно предположить, что первоначально чисто военное центуриатное собрание постепенно приняло на себя значительную часть прежних политических функций, выполняемых при царях куриатными комициями⁴¹. Очевидно, что произошло это главным образом под влиянием требований плебеев, для которых было абсурдным служить под началом вождя, ими не выбранного, или участвовать в войне, начатой без их согласия. Но можно ли отнести начало подобной трансформации лишь к середине V в. до н.э.⁴²? Конкретные данные традиции свидетельствуют о достаточной активности центуриатных комиций в первой половине столетия. К их числу относятся, к примеру, сообщения о принятии именно ими *leges sacrae* в 494 г. (Dionys. X. 32. 1; Gell. XVII. 21. 11; Cic. Tull. 49), закона о штрафах и денежной пене в 50-е годы V в. (*de multa et sacramento* – Cic. Resp. II. 35. 60), т.е. еще до правления децемвиров. Там же проводятся законы о разделе земли на Авентине (Dionys. X. 31–32; Liv. III. 31. 1 (*lex lata est*); 32. 7), о переносе выборов плебейских трибунов из центуриатного в трибутное собрание (Dionys. IX. 41. 2)⁴³, закон Валерия и Горация о плебисцитах (Liv. III. 55. 3; Dionys. XI. 45)⁴⁴. Любопытно, что законом о плебисцитах центуриатное собрание (вопреки эпитету «величайшее») сразу же приняло свое положение в политико-правовой системе формирующейся *civitas*. Обратим также внимание, что закон о провокации (см. ниже) был принят в начале Республики при Валерии Попликоле (Cic. Resp. II. 31. 53; 36. 61; Val. Max. IV. I. 1; ср. Liv. II. 8. 2). А это говорит в пользу активного функционирования этого типа собрания задолго до законов XII таблиц.

Впервые политическая роль центуриатного войска ярко проявилась в ходе свержения в Риме царской власти. Именно войско-классис, организованное в комиции, стало главной социально-политической опорой патрицианских вождей военного мятежа и правовой основой легитимации нового строя⁴⁵. Таким образом, с установлением Республики центуриатное войско, в царское время не имевшее возможности проявлять себя как субъект власти и права, впервые реализовало эти функции путем выбора не просто военных командиров, но предводителей всей общины, причем ежегодно, что проявилось и в вынужденных уступках плебеям в законах Валерия Попликолы.

Перейдем к рассмотрению военных прерогатив центуриатных комиций в эпоху Ранней республики, которые позволят выявить их роль в правовой деятельности военной организации. В литературе доминирует точка зрения на центуриатные комиции как на верховный орган власти в *civitas*, осуществлявший выборы всех высших магистратов⁴⁶: консулов, цензоров и преторов с 366 г. до н.э. Относительно же консулярных трибунов существуют разногласия. Некоторые исследователи приписывают эту процедуру трибутному собранию, основываясь главным образом на соблазни-

⁴¹ *Abbot. Op. cit. P. 21–28. Ср. Palmer. Op. cit. P. 214, 278.*

⁴² Подробное обзор и анализ законодательства центуриатных комиций, в том числе гражданского (что выходит за рамки данной статьи), см. в интересной, хотя и дискуссионной ст. У. Паанена (*Paanen U. Legislation in the comitia centuriata // Senatus populusque Romanus: Studies in Roman Republican Legislation Helsinki, 1993. P. 9–96.*)

⁴³ См. *Last H. The Servian Reform // JRS. 1945. 35. P. 44.* Однако У. Паанен придерживается мнения о выборах плебейских трибунов куриями. См. *Paanen. Op. cit. P. 19.*

⁴⁴ Подробный разбор этих законов выходит за рамки данной статьи. Поэтому см. подробный анализ в статье У. Паанена, который, однако, склонен гиперкритически относиться к данным традиции и всячески преуменьшать роль центуриатных комиций. См. *Paanen. Op. cit. P. 12–26.* В отечественной историографии аналогичное мнение отстаивает Л.Л. Кофанов (*Обязательственное право в архаическом Риме (VI–IV вв. до н.э.) М., 1994. С. 30 сл.*)

⁴⁵ Подробнее см. *Токмаков В.Н. «Тирания» Тарквиния Гордого и установление Республики в Риме // Власть, человек, общество в античном мире: Докл. конф. 1997 г. М., 1997. С. 231 сл.*

⁴⁶ См. *Утченко С.Л. Древний Рим: события, люди, идеи. М., 1969. С. 18; Игнатенко А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988. С. 18; Staveley. Greek and Roman Voting... P. 128.*

тельной ассоциации трибунов с трибами и на допущении к этой должности плебеев⁴⁷, и даже куриатному⁴⁸. Другие отдают предпочтение центуриатным комициям⁴⁹. Характерно, что при обосновании первой гипотезы ее сторонники игнорируют красноречивые данные Ливия об избрании консулярных трибунов именно центуриями⁵⁰. Убедительное доказательство этого в работе В.В. Дементьевой позволяет не повторять здесь всю систему аргументации⁵¹. Более того, центуриатные комиции с 311 г. выбирали и обычных военных трибунов числом 16 (Liv. IX. 30. 3), в то время как ранее избиралось только несколько трибунов, а остальные назначались консулом (Liv. VII. 5. 9).

Интересно, что избрание цензоров (Liv. IV. 8. 7; D. 1. 2. 2. 17) не требовало одобрения их куриатным законом. Напротив, сами центурии принимали *lex de potestate censoribus*. Как метко подметил Р. Палмер, выборы центуриями консулов и цензоров представляют собой явления разного порядка, ибо первых избирали как предводителей всей общины, а не только войска, и потому квиристы давали им империй по куриям, в то время как цензоры требовались прежде всего центуриям для проведения ценза⁵². Однако уточним, что почетный и патрицианский характер этой должности (Plut. Cam. 2. 2) свидетельствует о важной роли, которую цензура играла в развитии политической стратификации раннеримского общества.

Как уже отмечалось, в компетенцию центуриатных комиций до 471 г. до н.э. входили также выборы плебейских трибунов, а с 447 г. – и квесторов (Cic. Pro Plancio. XI. 28; Tac. Ann. XI. 22). Плутарх даже сдвигает начало таких выборов к правлению Валерия Попликолы (Popl. 12. 2). Последняя магистратура вызывает разногласия. Так, Э.С. Стэвли доказывает, что их с самого начала избирало трибутное собрание. Его аргументация сводится к тому, что во время Поздней республики младших командиров и магистратов выбирали трибы, а квесторы были именно таковыми⁵³. Однако источники не говорят о типе собрания. Ливий в пассаже о борьбе за удвоение должности квесторов в 421 г. замечает, что «в те времена в квесторы избирались только патриции»⁵⁴. Но в трибутном собрании в отличие от центуриатного такого ограничения не было. Ливий обычно обозначает выборы квесторов просто *comitia quaestorum*. Согласно тому же Ливию, в 421 г. до н.э. было решено, чтобы назначали четырех квесторов из патрициев и плебеев на основании свободного голосования *populus*⁵⁵, где термин *populus* явно указывает на центуриатное собрание. Заметим, что при осуществлении этого замысла в 420 г. плебейским претендентам, включая отпрысков уважаемых плебейских трибунов, имевшим поддержку при голосовании, ничего не помогло при избрании квесторов (Liv. IV. 44. 2). Лишь открытое третиование сенатом интересов воинов-плебеев привело к неожиданному избранию в 409 г. квесторами плебеев (IV. 54. 3). А ликование плебеев по поводу того, что победа их представителей на квесторских выборах откроет им дорогу к консульству

⁴⁷ *Staveley E.S.* Tribal Legislation before Lex Hortensia // *Athenaeum*. N.S. Pavia, 1955. V. 33. T. 1. P. 8; *idem*. The Significance of the Consular Tribune // *JRS*. 1953. 43. P. 30–34; *Meyer Ernst*. Römische Staat und Staatsgedanke. Zürich, 1948. S. 81; *Grieve L.R.* The Reform of the Comitia Centuriata // *Historia*. 1985. Bd 34. Ht 3. P. 287.

⁴⁸ *Bernardi A.* Dagli ausiliari del «rex» ai magistrati della «respublica» // *Athenaeum*. N.S. Pavia, 1952. V. 30. P. 41; *Palmer*. Op. cit. P. 224 ff.

⁴⁹ *Niebuhr B.G.* Vorträge über römische Geschichte. B., 1846. Bd 1. Abt. 1. S. 333 f.; *Mommsen*. Op. cit. S. 189.

⁵⁰ Liv. IV. 6. 11 (*populus*); V. 13. 3 (*omnes fere centuriae dixere*); 52. 16; X. 22. 1

⁵¹ *Дементьева В.В.* Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000. С. 71–74.

⁵² *Palmer*. Op. cit. P. 223.

⁵³ *Staveley*. Greek and Roman Voting... P. 128. Аналогичное мнение см. *Gjerstad E.* The Origins of the Roman Republic // *Les origines de la République romaine*. Vandoeuvres–Genève, 1966. P. 27.

⁵⁴ Liv. IV. 43. 3–4: ...ad id tempus patricii creati erant.

⁵⁵ Liv. IV. 43. 12: ...quo minus quattuor quaestores promisce de plebe ac patribus libero suffragio populi fierent. Тацит (Ann. XI. 22) также не называет тип собрания, в ведение которого перешло от консулов избрание квесторов, но ограничивается указанием на то, что «на эту почетную должность (их) стал избирать народ (*populus*)».

и триумфам, может, хотя и косвенно, намекать на однотипность квесторских комиций с центуриатными. Наконец, сам характер должности квесторов, которые распоряжались в войске военной добычей (Liv. V. 19. 8; 26. 8; XXVI. 47. 8; Polyb. XI. 19. 1) и выполняли функции судебного расследования, выявляет их непосредственную связь с войском и военной организацией. Как видим, все выборные магистратуры, подлежащие ведению центуриатных комиций, выросли из военных командных должностей (даже в определенной мере цензура, чьи функции первоначально принадлежали консулам).

В то же время бросается в глаза, что конкретных сроков созыва центуриатных комиций, очевидно, не существовало. Для проведения выборов магистратов они созывались осенью, но лишь по решению консула, который издавал специальный эдикт⁵⁶. Однако этому предшествовало обсуждение сената⁵⁷. Для остальных вопросов существовали *dies comitiales* (Macrob. Sat. I. 16. 14, 30; Fest. P. 34L, s.v. Comitiales dies), впрочем, они предполагали лишь возможность созыва собрания в эти дни. Как известно, выборы проводил магистрат рангом не ниже избираемых (Cic. Att. IX. 9. 3; 15. 2). Для этого сенат мог отозвать с театра боевых действий консула или оставить его в Городе *ad comitia habenda* (Liv. III. 4. 10; 9. 13). Упоминание Ливия о настоянии сената лишить полномочий консулярных трибунов, якобы избранных с огрешными ауспациями, и назначить интеррекса для новых выборов (V. 17. 3) обнаруживает право сената на вмешательство в результаты голосования. Итак, центуриатные комиции не выступали самостоятельным постоянным институтом. Напротив, они целиком зависели от воли магистрата, ограниченной только обычным правом и сакральной традицией.

Не менее пассивной предстает в традиции и роль комиций в выдвижении и даже отборе кандидатов на высшие должности. Лишь со второй половины V в. до н.э. и с учреждением консулярного трибуната появляются некоторые намеки на выдвижение нескольких кандидатов и конкурентную политическую борьбу⁵⁸, которая велась все же вне Марсова поля. При этом ведущая роль в подборе кандидатов оставалась за сенатом, который обладал правом выдвигать кандидатуры до голосования (Liv. III. 21. 3; 8; V. 14. 2) и стремился блокировать неугодных, опираясь на свою *patrum auctoritas* (Liv. X. 24. 8). Именно поэтому, несмотря на выдвижение даже достойнейших плебеев, консулярными трибунами становились патриции (Liv. IV. 25. 10; 56. 2–3). Любопытно, что Ливий в рассказе о выборах комициями в 450 г. под председательством Аппия Клавдия децемвиров на второй срок употребляет в отношении его действий глагол в действительном залоге *creat* («избирает» – Liv. III. 35. 8–9). Такую же оговорку об избрании себе коллеги Валерием Попликолой допускает Дионисий (Dionys. V. 19. 2; ср. Plut. Popl. 12. 3; ср. Liv. III. 8. 2). Поэтому можно согласиться с мнением Моммзена⁵⁹, что консул, как ранее и царь, имел право назначать себе преемника (добавим, по согласованию с сенатом), хотя и должен был испрашивать на то согласия у общины в лице комиций. Таким образом, хотя центуриатные комиции с установлением Республики и получили больше прав в утверждении или отклонении предложенных кандидатур, одновременно возобладал принцип *magistratus creat magistratus*.

Однако было бы несправедливо усматривать в таком положении дел исключительно засилье сенатской аристократии или недемократичность цензового центуриатного устройства. Поелику само это устройство выросло, как известно, из военных структур, то оно неизбежно определялось очевидными принципами военной организации, где беспрекословное повиновение воинских контингентов своим военачальникам

⁵⁶ Liv. III. 35. 1; IV. 57. 9; V. 29. 2; XXIII. 31. 8; XXVI. 18. 4; Gell. XIII. 15. 1 (in edicto consulum); Dionys. VI. 40. 1; 43. 2; VII. 16.4; 17. 1.

⁵⁷ Dionys. VII. 38. 3–4. См. подробнее: Токмаков В.Н. Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней республики (V–IV вв. до н.э.) // ВДИ. 1994. № 3. С. 45 сл.

⁵⁸ См. Staveley. Greek and Roman Voting... P. 128.

⁵⁹ Моммзен. Ук. соч. С. 253.

органично сочетается с поддержанием преемственности компетентного командования. С переходом большинства законодательных прерогатив к трибунному собранию (где господствовал, казалось бы, аналогичный принцип коллективного голосования по трибам, воспринятый от центурий, но проводившийся в отличие от них одновременно всеми трибами) данные военные принципы претерпели коренные изменения, что выразилось в частности в большей открытости трибунных и реформированных в III в. до н.э. центуриатных комиций для избрания магистратами «новых людей».

Отсюда кажущееся недемократичным, но тем не менее нерушимое повиновение общины, включая и плебеев, магистрату с империем, носителем которого мыслился в Ранней республике исключительно патриций. Не случайно интеррекс Л. Папирий Мугиллан восклицает в изложении Ливия по поводу затяжки с избранием консулярных трибунов: «Может, они (плебеи) хотят, чтобы государство, не обеспеченное властью патрициев, чуть грянет первая гроза, было уничтожено? Может, не надо набирать войско, а набранному войску не нужен полководец?» (Liv. IV. 43. 10). Поэтому источники фиксируют столь пристальное внимание римлян не только к знатности полководца, но и к его личным воинским заслугам (Liv. IV. 56. 2; VIII. 29. 9–10; 33. 12–13; X. 24. 9; Dionys. VI. 49. 1), а также к наличию у него в роду предков – курульных магистратов, что предполагало передачу из поколения в поколение военного опыта и божественного покровительства. Именно этим объясняется неожиданное для самих плебеев избрание консулом ненавидимого ими Цинцинната (Liv. III. 19. 2–3) или Аппия Клавдия (Dionys. XI. 43. 1). Красноречиво и получение Валерием и Горацием консульства в 449 г. не только за личные заслуги, но и как бы по наследству, ибо их предки были консулами (Dionys. XI. 45. 1). А Ливий даже оправдывает прегрешения Спурия Кассия и децемвира Аппия Клавдия тем, что их предки занимали высшее положение и сами они отправляли курульные магистратуры (IV. 15. 5). Становится понятным успешное сохранение патрициями высших магистратур в своих руках вплоть до законов Лициния–Секстия (Liv. VI. 42. 9–11). Ведь их наследственное отправление предками накладывало на потомков ауру удачливости и компетентности. Да и сами плебеи предпочитали сражаться под началом полководца не только опытного в военном деле, но и обладающего правом на совершение священных ауспий (см. Liv. VII. 6. 10–11)⁶⁰. Отметим характерный эпизод. Лишь в 400 г. консулярным трибуном впервые был избран плебей П. Лициний Кальв, заметим, сенатор, к тому же оказавшийся братом (возможно, сводным) патриция Гнея Корнелия, консулярного трибуна 401 г. (Liv. V. 12. 12). Иными словами, и здесь выявляется преимущество родственных связей кандидата с магистратской фамилией. Не менее красноречиво и следующее упоминание Ливия о повторном избрании Лициния Кальва трибуном в 396 г., хотя он и не домогался этого и был очень стар, но выказал достоинства при первом прохождении им этой должности. В ответ Кальв предложил народу вместо себя своего сына, не меньших достоинств, который и был утвержден (Liv. V. 18. 1–6).

Итак, мы видим, что на протяжении Ранней республики, в том числе и после серьезных уступок плебеем в середине V в. до н.э. и повышении роли центуриатных комиций, они остаются в целом пассивным политическим органом, подконтрольным *austogitas patrum* сената⁶¹, который узурпировал к тому же право предварительных постановлений и утверждения результатов голосования (Cic. Pro Sest. LI. 109; Resp. II. 32. 56; Liv. VI. 42. 10; Plut. Marc. 29). Комиции не имели рычагов воздействия на власть, не могли сами определять время выборов, а исход голосования в очень малой степени зависел от позиции рядовых плебеев. Тем не менее сам факт испрашивания согласия народа на назначение магистрата знаменовал акт проявления высшего

⁶⁰ Подробнее см. *Токмаков В.Н.* Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики // ВДИ. 1997. № 1. С. 55; *он же.* Право и воинская дисциплина в республиканском Риме // *Ius antiquum*. 2000. № 1(6). С. 141; *он же.* Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской Республики // *Религия и община в древнем Риме*. М., 1994. С. 137 сл.

⁶¹ *Ussani*. Op. cit. P. 74.

суверенитета полноправного гражданского коллектива (практически совпадавшего с военной организацией) и ставил магистрата под его контроль – низводил, как верно подметил Моммзен⁶², до уровня исполнительной власти и вынуждал приравниваться к меняющимся позициям различных политических сил, особенно в условиях достаточно высокой политической активности самого войска⁶³. Обычай склонять консульские фаски перед центуриатными комициями, введенный Попликолой на заре Республики (Liv. II. 7. 7; Cic. Resp. II. 31. 55), отразил качественное изменение их роли как суверена.

Второй важнейшей функцией центуриатных комиций было право объявления войны (lex de bello indicendo – Liv. VI. 21. 3; Dionys. X. 16. 1). Всего известно 29 случаев принятия этого закона однозначно центуриатными комициями⁶⁴. Так, Ливий сообщает под 427 г.: «...возник спор, объявлять ли войну от имени народа или достаточно будет сенатского постановления. Верх взяли трибуны (плебейские. – В.Т.), угрожавшие воспротивиться набору, и консул Квинкий внес предложение о войне в народное собрание. Все центурии высказались за войну»⁶⁵. Данный пассаж позволяет выявить различные правовые механизмы объявления войны: постановлением сената или решением центуриатного собрания.

Однако разноречивые сведения источников относительно участия в объявлении войны комиций провоцируют разногласия в литературе. Р. Девелен допускает участие в этом акте concilium plebis и трибутных комиций⁶⁶. Так, у того же Ливия встречаем фразу о том, что в 383 г. «все трибы объявляют войну» (VI. 21. 5), при том что перед этим решение передавалось на рассмотрение народа (ad populum ferretur de bello indicendo). Но напомним, что patrum auctoritas распространялась только на куриатные и центуриатные комиции, но не на трибутные (Cic. De Domo. 14. 38; Resp. II. 32. 56; Dionys. IX. 41. 3–4). Кроме того, бросается в глаза идентичность юридической формулы с изложенной выше, что наводит на мысль о текстовой ошибке Ливия или о мнении плебейских трибунов, роль которых в процедурах, связанных с формированием войск, была весьма значительна⁶⁷. Кстати, даже Э.С. Стэвли, отстаивающий мнение о ранней активности трибутных комиций, в данном случае предполагает анахронизм Ливия или перенесение на раннюю эпоху реалий реформы центуриатных комиций в тесной привязке к трибам⁶⁸. Также уязвима версия Л. Фашионе, который вообще отрицает возможность участия центурий в объявлении войны, так как к моменту объявления они уже бывали сформированы в войско, а трибы представляли гражданский орган. Но это утверждение исходит из ошибочного убеждения, что трибы служили базой комплектования воинских сил⁶⁹.

Иную версию выдвигал Р. Палмер. Обращая внимание на употребление в традиции при рассказе о заключении мира или о начале кампании имен куриатных богов Юпитера Феретрия и Марса Градива, он делает вывод, что первоначально эти ритуалы контролировали курии, причем сохранили контроль и во время Республики, голосуя за те войны, которые центурии вести не хотели⁷⁰. И здесь пищу для теорий дает

⁶² См. Моммзен. Ук. соч. С. 241 сл.

⁶³ См. Токмаков В.Н. Некоторые аспекты консульской власти в конституции Рима V в. до н.э. // *Ius antiquum*. 1996. № 1. С. 37 сл.

⁶⁴ См. Rich J.W. Declaring War in the Roman Republic in the Period of the Transmarine Expansion. Brussels, 1976. P. 14; Paanen. Op. cit. P. 27.

⁶⁵ Liv. IV. 30. 15: ...controversa inde fuit, utrum populi iussu indiceretur bellum, an satis esset senatus consultum? Pervicere tribuni denunciando impedituros se dilectum, ut Quinctius consul de bello ad populum ferret. Omnes centuriae iussere.

⁶⁶ Develin R. Comititia tributa plebis // *Athaeneum*. 1975. V. 53. P. 323–324.

⁶⁷ См. Токмаков В.Н. Tribunicia potestas в Ранней республике: военно-правовой аспект // *Ius antiquum*. 1998. № 1(3). С. 67–70.

⁶⁸ Staveley. Tribal Legislation... P. 9 ff. Cp. Paanen. Op. cit. P. 32.

⁶⁹ См. Fascione L. Op. cit. P. 242–246. О политических центуриях как базовых единицах для набора войска см. Токмаков. Военная организация... С. 170–177.

⁷⁰ Palmer. Op. cit. P. 214. См. также Paanen. Op. cit. P. 71.

Ливий. Он приводит слова Камилла по поводу переноса столицы в Вейи, что «куриатные комиции решают вопросы войны» (*comitia curiata, quae rem militarem continent.* – Liv. V. 52. 16). Но возможно ли это для того времени? Во-первых, здесь не говорится именно об объявлении войны. С таким же успехом можно понимать это заявление как намек на куриатный закон об империи полководцу⁷¹. Во-вторых, в традиции более нет ни одного упоминания о подобном прецеденте. Таким образом, мнения о возможности объявления войны в период Ранней республики не центуриатными, а иными видами комиций неосновательны. Остается добавить, что и в более поздние времена прерогатива объявления войны оставалась у центуриатных комиций (Liv. XL. 6. 3; XLII. 30. 10 etc).

Представляют интерес варианты правовых формул объявления войны. Например, Ливий передает (VI. 21. 3–5): «...отцы постановили в скорейшем времени предложить народу объявить войну (*patres ... decreverunt, ut primo quoque tempore ad populum ferretur de bello eius indicendo*) ... Затем уж было предложено народу принять решение о войне (*tum ut bellum iuberent latum ad populum est*)». Так же в 362 г. с проведением всех положенных ритуалов – отправки к герникам фециалов, заседания сената – «решено было... предложить народу объявить войну герникам, и многолюдное собрание приказало быть войне (*ad populum de bello indicendo... censuit, populusque id bellum frequens iussit*)» (VII. 6. 7). Заметим, сенатское постановление Ливий не называет сенатус-консультом, а употребляет слова *censere, decernere* (ср. IV. 58. 8; VI. 25. 5; 27. 9), а Дионисий – *προβούλευμα* (VII. 38. 3). Это отражает не приказ, а предложение, рекомендацию, ибо сенат, как известно, не обладал правом приказывать народному собранию, которое в свою очередь *iussit*, т.е. превращает рекомендацию в правовой акт, а его решения обретают силу закона. Дионисий в этих случаях употребляет термин *κυροῦν* или *ἐπικυροῦν* («постановили», «утвердили» – IV. 20. 2; V 37. 3; VIII. 15. 3; 91. 2–4; IX. 69. 2; XV. 10. 2). Однако обратим внимание, что у Ливия *populus Romanus bellum fieri iussit* (Liv. IX. 45. 8), т.е. не сам объявляет, а только приказывает объявить – практически, как мы знаем, эдикт о войне издавал консул или диктатор, а сакральные ритуалы исполняли фециалы.

Регулярно формулировка объявления войны *iussu populi* начинает встречаться у Ливия со второй половины V в. до н.э.⁷², когда после реформ Валерия–Горация роль центуриатных комиций неизмеримо возросла и они окончательно вошли в римскую политическую систему. К тому же времени правомерно отнести окончательное оформление 2–5-го цензовых разрядов из состава прежде единого *infra classem*⁷³. Это знаменовало включение основной массы плебса кроме пролетариев в военную организацию, что делало вопрос о войне затрагивающим его коренные интересы и в то же время позволяло хотя бы в минимальной степени влиять на принятие соответствующих решений⁷⁴. Как видим, с развитием в Риме центуриатной политической системы и правовых норм государственного регулирования, идущих на смену обычному праву, центуриатные комиции превращаются в выразителя воли всей гражданской общины, вручая магистрату право действовать от ее лица. А объявление войны становится неотъемлемой частью *ius*, законодательным актом волеизъявления гражданского коллектива.

⁷¹ Это мнение И.В. Нетушила (Ук. соч. С. 63. Прим. 3).

⁷² См. Liv. IV. 58. 8 (405 г.); VI. 21. 5 (383 г.); 22. 4 (381 г.); VII. 6. 7 (362 г.); 11. 2; 12. 6 (358 г.); 32. 1–2 (343 г.); VIII. 22. 8 (327 г.); 29. 6 (325 г.); IX. 43. 2 (306 г.); 45. 8 (300 г.); X. 12. 3 (298 г.); 45. 7 (293 г.); XXI. 17. 4 (218 г.); XXXVI. 1. 4–5 (191 г.). Ср. Dionys. X. 16. 1; Diod. XII. 80. 7.

⁷³ Подробнее обоснование процесса разделения *infra classem* на имущественные разряды в ходе борьбы плебеев за вхождение в центуриатную организацию см. нашу работу: Токмаков. Военная организация... С. 154–161. См. также Momigliano A. Osservazioni sulla distinzione fra patrizi e plebei // Les origines de la République romaine: neuf exposés suivis de discussions. Genève, 1967. P. 216–218.

⁷⁴ Проявления этого можно усмотреть в присуждении триумфа Валерию и Горацию решением народа. См. Liv. III. 63. 11; Dionys. XI. 50.

Правда, нередко сенат обходил обязанность получения санкции центуриатных комиций путем перевода этой процедуры из сферы публично-правовой в административную (особенно часто в начале Республики). Согласно данным традиции, сенат мог напрямую поручать консулам, а тем более диктаторам, провести набор войска и вывести его из города, поскольку при избрании консулов им приносилась воинами на Марсовом поле присяга (Liv. II. 32. 1–2; III. 20. 2–3; Dionys. X. 18. 2–3)⁷⁵. Еще Моммзен сформулировал точку зрения, что согласие собрания требовалось только для ведения наступательной войны, война же оборонительная не нуждалась в подобной санкции и входила в компетенцию сената и магистратов⁷⁶. С этим можно согласиться с оговоркой, что оборонительные войны вспыхивали, как правило, уже после вступления консулов в должность и проведения ими весной ежегодного набора войск с принесением присяги.

К военным прерогативам центуриатных комиций непосредственное отношение имеет и право провокации общинника, которой посвящена обширная литература. Традиция относит принятие *lex Valeria de provocatione* к 509 г.⁷⁷ и приписывает консулу Валерию Попликоле (Liv. II. 8. 1; Pompon. D. 1. 2. 2. 4, 16; Dionys. V. 19. 4; 70. 2; Plut. Popl. 11; Val. Max. IV. 1. 1). Цицерон⁷⁸ прямо указывает на его принятие именно центуриатными комициями. Действие закона распространялось только на полноправных граждан, иными словами, на членов центуриатного собрания и войска. Должники из плебеев (Liv. II. 23. 1–8) (а ими становились прежде всего плебеи из категории *infra classem*) не подлежали его юрисдикции, что вызвало недееспособность этого закона и привело к созданию должности плебейских трибунов. В 449 г. после 2-й сецессии плебеев закон был принят вновь (Liv. III. 55. 4–5; Cic. Resp. II. 31. 54)⁷⁹. Теперь он распространялся на всех военнообязанных граждан всех пяти цензовых разрядов (см. выше, прим. 73). Тем самым право провокации стало краеугольным камнем правового суверенитета римского народа. Отнесение вопроса о провокации в компетенцию именно центуриатных комиций свидетельствует о том, что он затрагивал жизненные интересы *цивitas*, прежде всего ее сплоченность и обороноспособность, поскольку большинство преступлений, предусматривавших возникновение провокации, лежали в военно-политической сфере (измена, уклонение от исполнения воинского долга и т.д.). Сомнения, что комиции едва ли могли действовать как суд провокации, некорректны, ведь он, безусловно, по форме отличался от собственно комиций и проходил в форме *contio*, где стороны излагали свои аргументы, а последующее *suffragium* определяло приговор всего коллектива граждан своему члену. Право выносить решения по провокации превратило центуриатные комиции в высшую судебную инстанцию, обеспечивавшую гарантии прав гражданина и ставящую магистратов под формальный контроль народа⁸⁰.

Источники сообщают, что центуриатные комиции в ряде случаев решали вопрос о предоставлении триумфа военачальникам. Но за два века Ранней республики такой факт отмечен только четыре раза: триумф Валерию Попликоле в 509 г. (Dionys. VI. 43. 1), консулам Валерию и Горацию в 449 г. (Liv. III. 63. 8–11: *per populum*), первому плебейскому диктатору Гаю Марцию Рутилу в 356 г. (Liv. VII. 17. 9: *sine auctoritate*

⁷⁵ См. о присяге: Токмаков. Сакральные аспекты воинской дисциплины... С. 55–57.

⁷⁶ См. Моммзен. Ук. соч. С. 73, 91. И.В. Нетушил полагал, что решение о войне принималось комициями в том случае, если сенат не мог или не желал принять ответственность на себя (Ук. соч. С. 341). Однако конкретные данные традиции являют противоположную картину – сенат вынужден был обращаться к комициям, если ему не удавалось объявить войну самочинно. Ср. *Paanen*. Op. cit. P. 28.

⁷⁷ См. о достоверности ранней датировки: *Ducos M.* Les Romains et la loi. P., 1984. P. 72; *Paanen*. Op. cit. P. 11.

⁷⁸ Cic. Resp. II. 31. 53: *Legem ad populum tulit eam quae centurias comitiis prima lata est ne quis magistratus civem Romanorum adversus provocationem necaret*. Ср. *Val. Max.* IV. 1.1: *legem comitiis centuriatis tulit...*

⁷⁹ См. *Flach D.* Die Gesetze der frühen römischen Republik: Text und Kommentar. Darmstadt, 1994. S. 216–218; *De Martino*. Origine... P. 245 sg.

⁸⁰ См. *Ussani*. Op. cit. P. 76, 78.

patrum populi iussu) и консулу Постумию в 295 г. (Liv. X. 37. 10–12: *iactata res ad populum est*). Причем все они принимались в пику сенату, в ведении которого находилось присуждение триумфа⁸¹. В этом проявляется тенденция к несовпадению интересов сената и все большей части полноправного *populus* по мере включения в него (в том числе в первый цензовый разряд) основной массы плебеев с середины V в. до н.э. Наконец, именно центуриатные комиции приняли законы XII таблиц (Liv. III. 34. 6; 37. 4), ставшие, по выражению Ливия, «истокom публичного и частного права».

Подводя итоги, отметим, что военный характер центуриатных комиций в эпоху Ранней республики оказался идеально приспособлен для доминирования патрициев и сосредоточения власти в руках выражавшего их интересы сената. Их военизированная структура объективно обеспечивала перевес патрициев, полностью инкорпорированных в сервианскую военную организацию (благодаря исключительному праву своей куриатной организации распоряжаться *ager publicus*) и составлявших центурии всадников и первого цензового разряда. Истоком комиций служили войсковые сходки, а принципы коллективного голосования и подчинения воинов командирам и дисциплине превращали центуриатные комиции в орудие господства патрициев, что позволяло сенатской аристократии проводить нужные ей решения и избирать, как правило, успешно угодных ей магистратов-военачальников из своей среды.

Военный характер комиций неизбежно определял отсутствие у них законодательной инициативы, каких-либо механизмов контроля за исполнением уже принятых решений. Замечу, что учреждение коллегии плебейских трибунов таковым институтом считаться не может, так как их права и функции проявлялись вне центуриатных комиций, а сами они с 471 г. избирались плебейским собранием. Поэтому в самом центуриатном собрании практически отсутствовала политическая борьба (по крайней мере до эпохи Поздней республики), а принцип, согласно которому законным считалось любое решение, принятое народом последним, позволял сенату длительное время навязывать комициям решения, выгодные патрициям из *classis* и *equites*.

Анализ традиции позволяет еще раз подтвердить мнение, что центуриатные комиции с самого начала Республики объединяли население Рима лишь в военном отношении как военнообязанных и представляли гражданство только в зависимости от способности нести воинскую службу⁸². Именно это, на мой взгляд, определяло, с одной стороны, стремление плебеев быть включенными в военную организацию, а с другой – их неполноправие в экономическом, социально-сословном и правовом отношениях. В рамках центуриатной организации плебеи не имели возможности исправить данное ущемленное положение, ибо она была органически не приспособлена для решения возникавших в *цивitas* противоречий и по своей природе не отражала меняющийся расклад политических сил в процессе генезиса государства. Все это обусловило длительность и остроту «борьбы сословий» в V–IV вв. до н.э., а также поиски выхода из нее вне рамок центуриатной системы.

Тем не менее, по сравнению с патрицианским куриатным собранием центуриатные комиции были более демократическим институтом, так как объединяли в одном войске, в общем политическом собрании, в одних цензовых разрядах и центуриях граждан независимо от сословной принадлежности. Они воплощали основной принцип раннеримской *цивitas* – участие воинов в решении дел общины в зависимости от своего вклада в военную мощь Рима. Тем самым они впервые открыли эту возможность плебеям, так как все другие формы организации людей в условиях формирования гражданской общины и государства оказывались недостаточными и не гарантировали сплочения населения в единый и мощный военно-политический организм, положивший начало как институтам власти, так и утверждению права и закона над родовыми нормами. В центуриатном войске и комициях плебеи стали частью нового гражданства (*in parte civem censere* – Liv. VII. 18. 5)⁸³. Благодаря этому они

⁸¹ О военных прерогативах сената см. подробнее: *Токмаков. Римский сенат...* С. 38 сл.

⁸² См. об этом: *Токмаков. Военная организация...* С. 74–82.

⁸³ См. подробнее: *Маяк. Ук. соч.* С. 85 сл.; 91 сл. Ср. *Perre. Op. cit.* P. 325 sg.

получили правовые основания для борьбы за свое равноправное положение в *civitas*, а также образец, ориентируясь на который складывались новые политические институты, включая трибутные комиции.

Но сохранение в сервианской центуриатной конституции куриатной организации породило объективное противоречие, которое являлось источником и побудительным мотивом развертывания «борьбы сословий» – между правовым равенством патрициев и плебеев в военной организации и пропастью в социально-политическом и культурном отношениях. В этой связи приходится подвергнуть сомнению доминирующий в историографии взгляд на центуриатную систему как на аналог греческой тимократии⁸⁴. Тимократия обычно трактуется как обладание гражданином суммой политических прав пропорционально его состоянию. Действительно, в Архаическом Риме больший ценз давал преимущество при голосовании в центуриатных комициях. Но, во-первых, как было показано, это преимущество проистекало из чисто военной необходимости комплектования тяжеловооруженной боеспособной фаланги, во-вторых, оно проявлялось главным образом в праве активно участвовать в голосовании, практически не влияя на его результат и не определяя предмет голосования. Последнее оставалось прерогативой сената и магистратов. Главное же отличие состояло в том, что в центуриатной системе, игнорирующей сословный принцип в военной сфере, в политической области доминировал именно сословный, а не тимократический принцип. Иначе говоря, ни один даже самый богатый плебей (из состава *classis*) не мог быть избран центуриатным собранием (без специального закона) на высшую должность в отличие от самого скромного патриция.

Итак, центуриатные комиции в период Ранней республики уже с первой половины V в. до н.э. стали основой формирования гражданского общества и правовых принципов политической и военной организации. Подчеркнем, что они были порождением реформы Сервия Туллия и периода существования патрицианско-плебейского государства. Получив политические функции, именно они сплачивали все население Рима в единое целое и превратились в выразителя суверенитета гражданского коллектива над магистратами. Не случайно, негодую на засилье патрициев на Марсовом поле и узурпацию ими высших магистратур, плебеи никогда не посягали на права центуриатных комиций и изменение их структуры. Лишь в середине III в. с завершением «борьбы сословий» и усилением роли трибутного собрания центуриатные комиции были безболезненно и автоматически реформированы, и каждая из 35 триб стала выставлять равное число центурий (всего 375).

В.Н. Токмаков

THE ROLE OF *COMITIA CENTURIATA* IN THE DEVELOPMENT OF MILITARY ORGANIZATION IN THE EARLY ROMAN REPUBLIC

V.N. Tokmakov

The article defines the place in the political system and military role of the *comitia centuriata* in Rome's early republican period, which allows us to better trace the mechanism of interconnections between the military organization and the civilian community, and hence to more precisely distinguish the level of democratization in the early Roman *civitas* as well as special features in the evolution of political institutions.

Gellius and Varro characterize *comitia curiata* as *exercitus urbanus*, and convey the calling of a meeting with the formula *centuriatus convocare* or *imperare*. The term *populus* along with *exercitus* referred to *comitia centuriata*. Brought to light in this is a peculiarity of the Roman electoral system

⁸⁴ См., например: *Botsford*. Op. cit. P. 33; *Staveley*. Greek and Roman Voting... P. 128 ff.; *Gjerstad*. The Origins... P. 28; *Bleicken*. Op. cit. S. 43; *Saulnier*. Op. cit. P. 107; *D'Agostino*. Op. cit. P. 80; *Fugmann*. Op. cit. S. 273. Подробнее см. *Токмаков*. Военная организация... С. 130 сл.

which, unlike that of the Greeks, had only collective voting, where individual votes were combined to form an electoral unit. Members of the *civitas* were seen not as individual citizens, but as warriors joined together into military contingents, within which differences of opinion were simply unthinkable; the latter were suppressed at the level of the primary military-political unit. The political role of the centuriate army was first vividly displayed in the overthrow of the Roman monarchy. With the establishment of the republic the centuriate army, which under the monarchy had lacked any opportunity to show itself as a possessor of power and law, succeeded for the first time in realizing this role, annually electing not only commanding officers, but also leaders of the entire community.

Before the middle of the 5th century BC, the *comitia centuriata* did not emerge as a regular and independent institution, in so far as they grew from military structures, in which the unquestioning obedience of military contingents to their leaders was organically combined with the maintenance of the continuity of competent command. Examination of the military prerogatives of the *comitia centuriata* in the days of the early republic bears out their role as the supreme organ of power in the *civitas*, which elected all the higher magistrates.

The article also reveals in detail the procedures for the declaration of war and the «right of provocation» of community members, which became a cornerstone of the sovereign rights of the Roman people. Analysis of the written tradition allows us to conclude that the military character of the *comitia centuriata* in the period of the early republic turned out to be ideally suited to ensure the political superiority of the patricians and the concentration of power in the hands of the senate. Their structure provided for the dominance of the patricians, who were fully incorporated into the Servian military organization (due to their exclusive right to manage the *ager publicus*), making up the *centuriae* of the cavalry and those of the first census rank.

Nevertheless, in comparison with the patrician curiate assembly, *comitia centuriata* were a more democratic institution, since they brought together – within one army, one political assembly, one census rank and *centuria* – citizens independent of their social level. In the centuriate army and in *comitia* plebeians became part of a new citizenry. Owing to this they acquired a legal basis to fight for an equal position in the *civitas*, as well as a pattern for the development of new political institutions, including *comitia tributa*. Thus, *comitia centuriata* in the period of the early republic in the first half of the 5th century had already become a basis for the formation of civil society and of legal principles of political and military organization.